

С. С. ЖИЛЬЦОВ

Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

ПОЛИТИКА СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕК

Анализируется ситуация в сфере водных ресурсов трансграничных рек, сложившаяся в Центральной Азии после распада СССР, когда был разрушен механизм взаимного учета интересов всех среднеазиатских республик. Особое внимание уделено исследованию факторов, оказывающих влияние на формирование и реализацию политики стран Центральной Азии в области использования водных ресурсов. Сопоставлена международно-правовая база, регулирующая конфликтные ситуации в сфере водных ресурсов трансграничных рек с правовыми документами центрально-азиатских государств. Проанализированы причины неудач создания многостороннего механизма по разрешению спорных ситуаций, возникающих между центрально-азиатскими странами при использовании водных ресурсов трансграничных рек.

The situation in the area of transboundary water resources, emerged in Central Asia after the disintegration of USSR when the system of mutual accounting of all Central Asian Republics interests was destroyed, is analyzed. Particular attention is paid to the research of factors which have influence to the formation and realization of the water resources policy in the Central Asia countries. International legal basis, which adjusts the conflict situations in a transboundary water resources area, and legal documents of the Central Asia countries were compared. The reasons of failures of creating a multilateral approach for the resolving of debatable situations between Central Asia countries in case of using of transboundary water resources were analyzed.

Введение. Центральная Азия, к которой относятся Казахстан, Киргизия, Туркменистан, Таджикистан и Узбекистан, на протяжении многих веков испытывает недостаток водных ресурсов. Основой жизни в регионе всегда были земледелие и скотоводство, а вода – главным лимитирующим фактором. После обретения независимости бывшие республики Центральной Азии направили свои усилия на подъем экономики и формирование новых институтов государства. При этом без разрешения осталась одна из наиболее важных проблем – распределение водных ресурсов трансграничных рек между странами региона. Формирование поверхностного водостока крупными трансграничными реками имеет комплексный характер, объединяя в себе экономические, водно-энергетические, экологические и политические проблемы.

Большая часть используемой в регионе воды берется из двух главных рек – Сырдарья и Амударья, которые формируются в горах Памира и Тянь-Шаня. Сырдарья течет из Киргизии через Таджикистан в Узбекистан (в том числе через густонаселенную Ферганскую долину) и Казахстан, Амударья – из Таджикистана в Узбекистан и Туркменистан. Водные ресурсы Сырдарья, среднемноголетней сток которой равен 37 км³, распределяются следующим образом: 74 % приходится на Киргизию, 14 % – на Узбекистан, 9 % – на Казахстан и 3 % – на Таджикистан. Более 80 % стока Амударья, среднемноголетний сток которой равен 78 км³, формируется на территории Таджикистана, 6 % – на территории Узбекистана, 2,4 % – в Киргизии, 3,5 % – в Туркменистане (с Ираном) и 7,9 % – в Афганистане.

Основной причиной обострения отношений между странами верхнего течения (Таджикистан, Киргизия) и нижнего течения (Казахстан, Туркменистан, Узбекистан) трансграничных рек выступает режим водостока. Казахстан и Узбекистан являются наиболее промышленно развитыми странами, располагают крупными запасами нефти, газа и другими ресурсами. Эти страны имеют наибольшую численность населения среди государств региона. Располагаясь в нижнем течении, они находятся в сильной зависимости от «верхних» стран: Киргизии и Таджикистана, которые наиболее обеспечены водными ресурсами и фактически контролируют основные водотоки Амударья и Сырдарья, главных водных артерий Центральной Азии.

Образование новых независимых государств в Центральной Азии вызвало к жизни вопрос о собственности на воду, так как она наряду с другими ресурсами оказалась по разные «стороны» государственных границ. Дефицит воды и стремление каждого из государств использовать ее с максимальной интенсивностью и исключительно в собственных интересах обостряет ситуацию в регионе. Принимая во внимание высокий уровень рождаемости и безработицы в Центральной Азии, водная проблема превратилась в серьезный фактор дестабилизации региона.

На политику стран Центральной Азии большое влияние оказывает изменение климата. Маловодные годы все чаще посещают Центральную Азию и в обозримом будущем могут стать нормой. За последние 50 лет площадь ледников – источников питания Амударьи и Сырдарьи уменьшилась почти на 40 %, что значительно сократило объем их стока. По прогнозам население республик Центральной Азии к 2025 году увеличится, что потребует дополнительных объемов водных ресурсов.

Постановка проблемы. Водные ресурсы превратились в источник потенциальных социально-политических, этнонациональных и межгосударственных конфликтов. Это связано с расхождением политики стран, расположенных в верхней и нижней части течения трансграничных рек. Таджикистан и Киргизия (по разным оценкам контролируют 80 % всех запасов поверхностных вод в регионе), обладая значительными водными ресурсами, для выработки электроэнергии спускают воду не только в летний, но и в зимний период. В результате, имея столь мощный «рычаг», Киргизия и Таджикистан получают возможность влиять на сопредельные страны – Казахстан, Узбекистан и Туркменистан. В этой связи одной из ключевых задач для стран Центральной Азии является поиск механизмов учета национальных интересов каждого из государств, что создаст предпосылки для обеспечения региональной безопасности, условия для стабильного экономического развития и межрегионального взаимодействия на многосторонней основе.

Методика исследования. При проведении исследования применяются методы системного анализа и сопоставлений, что позволяет выделить закономерности развития и определить ключевые факторы, которые оказывают влияние на исследуемую проблему.

Источники данных. Были использованы официальные документы стран Центральной Азии по изучаемой проблематике, а также исследования, проведенные учеными центрально-азиатских государств.

Период бесконфликтного использования трансграничных водных ресурсов. В Советском Союзе вопрос о формировании и реализации самостоятельной политики республиками Средней Азии практически не стоял. Проблема распределения и использования водных ресурсов централизованно решалась Министерством водного хозяйства СССР исходя из единого плана развития региональной экономики и сельского хозяйства. Советская система межреспубликанских водных отношений основывалась на лимитах вододеления между ними и балансе договорных обязательств между республиками и союзным центром. Регулирование речного стока трансграничных рек было направлено на сбалансированное экономическое развитие всех пяти среднеазиатских республик, сочетающих выработку электроэнергии и развитие аграрного сектора экономики [1]. Критерием работы водохранилищ была максимальная общая выгода [2].

Решение данной задачи облегчали построенные в верховьях рек водохранилища. Это позволяло регулировать сток, поступающий в республики, расположенные в низовьях, и не допускать межреспубликанских конфликтов.

Приоритет в развитии Средней Азии отдавался ирригации, прежде всего, орошаемому земледелию в Казахстане и Узбекистане. Например, регулирование стока реки Сырдарьи водохранилищами Нарын-Сырдарьинского каскада осуществлялось по ирригационному графику. Ежегодный попуск воды из Токтогульского водохранилища в летний период должен был составлять 75 %. В свою очередь, Киргизия получала сырьевые ресурсы из Казахстана и Узбекистана. Аналогичный подход применялся в отношении Амударьи, сток которой регулировался Нурукским водохранилищем.

Водные проблемы Центральной Азии после распада СССР. Распад СССР стал распадом системы «общего котла». В этой системе для новых независимых стран Центральной Азии

наиболее сложным оказалась проблема водodelения [3]. Рухнувшая в одночасье советская система дала в сухом остатке массу взаимных неурегулированных претензий. Они касались, прежде всего, определения объемов водозаборов в условиях рыночной экономики, ослабления инвестиционных потоков в сектор водопотребления, изменения режима работы крупных водохранилищ (перевод из ирригационных в энергетический) и других вопросов. Так, стремление увеличить производство гидроэнергии странами верхнего течения вошло в противоречие с интересами стран нижнего течения, чья ирригационная политика требует иного подхода к использованию водных ресурсов. Подобные нестыковки и расхождения интересов в использовании водно-энергетических ресурсов обострили ситуацию в регионе и между отдельными странами и негативно сказались на межгосударственных отношениях в регионе.

Особенностью Центральной Азии является крайняя неравномерность в распределении водных ресурсов. Регион расположен в зоне, подверженной периодическим засухам, последствия которых сказываются в первую очередь на производстве сельскохозяйственных культур, выращивание которых основано на орошении.

Провозгласив независимость и взяв курс на построение рыночных государств, страны Центральной Азии приступили к проведению самостоятельной политики в области контроля и распределения водных ресурсов. На первое место вышли собственные планы использования водно-энергетических ресурсов. Каждое из государств Центральной Азии при осуществлении политики в сфере управления водными ресурсами стало преследовать национальные интересы, мало заботясь о том, как они соотносятся с интересами соседей и влияют на ситуацию в регионе в целом.

На политику стран Центральной Азии огромное влияние оказывают факторы, связанные с их экономическим развитием и социальными процессами. Ключевой проблемой для Центральной Азии остается демографическая ситуация. Рост численности населения при дефиците воды провоцирует страны на разногласия, усиливая соперничество между государствами региона.

Водные ресурсы в странах Центральной Азии являются одним из основных факторов, определяющих состояние большинства отраслей экономики и, в первую очередь, сельского хозяйства. Дефицит воды и снижение качества речного стока осложняют решение социально-экономических и экологических проблем. По этой причине вопрос стабильного доступа к водным ресурсам стал одним из приоритетных для стран региона.

В этом районе мира практически исчерпаны все резервы водообеспечения. По разным оценкам ежегодный объем речных водных ресурсов в регионе составляет порядка 120 км³, что обеспечивается двумя крупнейшими реками региона – Амударьей и Сырдарьей, формирующихся из ледников и снега в горах Киргизии и Таджикистана. Между тем сток Амударьи зарегулирован на 96 %, а Сырдарьи – более чем на 85 %. При этом подавляющий объем водных ресурсов тратится на нужды ирригации.

Страны Центральной Азии формируют водную политику. После обретения независимости страны Центральной Азии стали самостоятельно распоряжаться водными ресурсами трансграничных рек. При этом в отношениях между собой страны региона первоначально пытались воспользоваться опытом, который был накоплен в период Советского Союза. Важнейшим политическим шагом явилась инициатива первых лиц национальных водохозяйственных ведомств государств Центральной Азии по принятию в октябре 1991 года Ташкентского заявления, которое стало отправной точкой переговорного процесса между центрально-азиатскими государствами в сфере использования водных ресурсов трансграничных рек. В заявлении речь шла о совместном использовании водных ресурсов на общих принципах, с учетом интересов всех сторон [4]. В развитие встречи в Ташкенте 18 февраля 1992 года в Алма-Ате (Казахстан) было подписано межправительственное соглашение «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников» и соглашение о создании Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК). Страны региона подтвердили свои позиции сохранить действовавший режим управления водными ресурсами бассейнов Амударьи и Сырдарьи и придерживаться сложившихся подходов к разделу трансграничных водных ресурсов. Речь шла о протоколе №413 Научно-технического совета Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР по Сырдарье,

подписанном в феврале 1984 года и протоколе №566 Научно-технического совета Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР по Амударье, подписанном в сентябре 1987 года. Данные документы предусматривали годовое распределение воды между странами бассейна Аральского моря, хотя сезонное распределение в них учтено не было [5].

Очень скоро выяснилось, что договора и соглашения, заключенные в советский период, не соответствуют политике, реализуемой странами верховья трансграничных рек. Наиболее остро межгосударственные противоречия проявляются в отношении режимов водопользования в бассейне реки Сырдарья, в водохранилищах Нарын-Сырдарьинского каскада, прежде всего, Токтогульского [6]. В советское время сток Сырдарьи регулировался водохранилищами Нарын-Сырдарьинского каскада, в первую очередь Токтогульским, в режиме, который был направлен на орошение в Казахстане и Узбекистане.

Впервые симптомы конфликтности проявились в 1993 году, когда Узбекистан за долги оставил Киргизию без газа. В ответ Бишкек осуществил сброс из Токтогульского водохранилища [7]. Изменение графика работы Токтогульского водохранилища Киргизия объяснила необходимостью производства электроэнергии в зимний период и накопления ее в летний период. К изменению политики Киргизии в сфере использования водных ресурсов подталкивали объективные факторы: разрыв экономических связей в рамках региона, увеличение стоимости углеводородных ресурсов. В результате Киргизия, как и Таджикистан, столкнулись с энергетическим кризисом, который усиливал их заинтересованность в одностороннем порядке изменить режим работы водохранилищ и использовать водные ресурсы исключительно в собственных интересах.

После 1993 года режим работы Токтогульского каскада был изменен. Вода летом стала накапливаться, а зимой спускаться. Данное изменение было продиктовано заинтересованностью Киргизии осуществлять производство электроэнергии в зимний период. Несмотря на расхождение интересов, в 1993 году страны Центральной Азии вновь попытались устранить разногласия по вопросу водodelения и совместного использования водных ресурсов. Было принято «Соглашение о сотрудничестве в сфере совместного управления, использования и охраны водных ресурсов межгосударственных источников». Однако этот документ также оказался не работающим.

В 1995 году страны Центральной Азии сделали очередную попытку решить спорные вопросы в сфере водных ресурсов, приняв Нукусскую декларацию. В ней была отмечена важность ранее подписанных соглашений, регулирующих отношения в сфере водных ресурсов. Страны региона подтвердили приверженность принципу использования водных ресурсов в интересах всех государств. Затем было принято еще несколько документов, но и они не решили конфликты между странами Центральной Азии.

В 1998 году было заключено соглашение между Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном «Об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья». Таджикистан присоединился к документу в 1999 году. Данный документ имел рамочный характер, хотя в нем были зафиксированы принципы компенсаций. При этом в нем не был описан экономический механизм взаимоотношений между гидроэнергетикой и ирригацией [8]. В итоге страны нижнего течения летом, в период наибольшей потребности в воде, стали испытывать ее дефицит, а зимой – сталкиваться с подтоплениями и затоплениями водохозяйственных объектов.

Принимаемые документы не способствовали решению проблемы распределения водных ресурсов трансграничных рек, поскольку не были подкреплены практическими механизмами компенсаций. Страны нижнего течения не готовы были компенсировать потери от изменения режима работы водохранилищ странам верхнего течения. Более того, каждое из государств региона рассчитывало самостоятельно решить возникающие проблемы в сфере водных ресурсов и через давление на соседей добиться положительного для себя результата. Фактически речь шла о конфликте национальных программ развития всех центрально-азиатских государств [9]. В результате между Туркменистаном и Узбекистаном, Киргизией и Таджикистаном, Казахстаном и Киргизией периодически обострялись межгосударственные отношения по вопросу использования водных ресурсов трансграничных рек.

Трансграничные водотоки Центральной Азии и международное право. Причины конфликтных ситуаций между странами региона в сфере водных трансграничных ресурсов следует искать в том числе в положениях, которые отражены в национальном законодательстве. основополагающие документы центрально-азиатских стран четко позиционируют воду в качестве ресурса, принадлежащего государству. Так, в Водном кодексе Казахстана (статья 8), принятом в июле 2003 года, говорится об исключительной собственности государства на водные ресурсы. Аналогичное положение содержится в законе Киргизии «О воде» (статья 5), принятом в январе 1994 года. В Водном кодексе Таджикистана (статья 4), принятом в декабре 1993 года, водные ресурсы рассматриваются в качестве исключительной собственности государства. В Законе Узбекистана «О воде и водопользовании» (статья 3), принятом в мае 1993 года, говорится о принадлежности государству водных ресурсов. Схожая позиция отражена в Водном кодексе Туркменистана, принятом в июне 1993 года. Данные документы в последствии дополнялись и уточнялись, однако главный тезис в них оставался неизменным – водные ресурсы являются исключительной собственностью государства, которые по своему усмотрению регулируют их использование.

Особенно четко данный подход проявился у стран верхнего течения, которые стали отстаивать позицию о единоличном владении водными ресурсами. В 2001 году в Киргизии был принят закон «О межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсов и водохозяйственных сооружений Кыргызской Республики». В указанном документе подчеркивались права страны на водные ресурсы и водохозяйственные объекты в пределах границ государства, а кроме того, отмечалось, что вода имеет стоимость. Схожую позицию занимал Таджикистан.

Страны региона придерживались собственных представлений относительно использования водных ресурсов трансграничных рек. Более того, во многих внутргосударственных законах стран Центральной Азии, двусторонних и многосторонних соглашениях отсутствует определение «трансграничные реки». В основном используются термины «водный ресурс», «водно-энергетический ресурс» и т.п. Подобный подход противоречит положениям международного права, в котором рассматриваются вопросы трансграничных водных ресурсов, и порождает значительные трудности в использовании международного законодательства [10].

ООН был принят ряд документов, регулирующих использование и охрану международных водотоков. Среди них следует выделить Конвенцию по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (март 1992 года) и Конвенцию о праве судоходных видов использования международных водотоков, принятую в мае 1997 года. Согласно этим документам освоение трансграничных водных ресурсов должно проводиться совместно, с учетом взаимных интересов тех государств, через которые эти реки текут. И хотя конвенции не давали четких ответов о путях решения возникающих споров, тем не менее они могли стать основой для последующей разработки законодательной базы применительно к трансграничным рекам Центральной Азии.

Центрально-азиатские государства, за исключением Казахстана, не ратифицировали международные документы и в реализации своей политики в отношении водных ресурсов трансграничных рек продолжают ориентироваться на достижение двусторонних договоренностей. Недостаточно четкое понимание и весьма слабое применение государствами Центральной Азии принципов и норм международного права в области использования и охраны трансграничных ресурсов являлись одним из сдерживающих факторов в решении существующих в регионе проблем [11].

Политика стран Центральной Азии: между ирригацией и гидроэнергетикой. Разделение стран на тех, кто заинтересован в энергетическом режиме работы водохранилищ, и тех, которые выступают за ирригационный режим, сказывается на их подходах к формированию и реализации политики в сфере водных ресурсов трансграничных рек.

Схожие позиции относительно использования трансграничных водных ресурсов региона занимают Таджикистан и Киргизия. Эти государства наиболее активно выступают за освоение водных ресурсов, строительство гидроэнергетических объектов, видя в этом возможность укрепления своей энергетической безопасности и дополнительный источник получения дохода.

Киргизия придерживается позиции, что подписанные между странами соглашения по трансграничным водным ресурсам ущемляют интересы страны. Киргизскую сторону не устраивают соглашения, подписанные после 1992 года, поскольку они зафиксировали приверженность советской системе использования водных ресурсов трансграничных рек, в основе которой лежал учет интересов всех сторон и ориентация работы водохранилищ на ирригационный режим. Не случайным следует считать принятие в июне 2011 года Киргизией Закона «О межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсов и водохозяйственных сооружений».

В Киргизии предлагают пересмотреть механизмы взаиморасчетов с соседними странами за использование своих гидроузлов в ирригационном режиме. В этих целях выдвигаются предложения по введению платы за воду как за отдельный ресурс с экономическим значением, или выплате компенсаций за содержание водной инфраструктуры [12]. Киргизские власти подсчитали, что если Казахстан и Узбекистан начнут платить за воду хотя бы по минимуму, это будет приносить стране порядка 350 млн долл. ежегодно.

Соседние государства, которые находятся с Киргизией в едином водно-энергетическом кольце, не хотят покрывать все ее издержки на содержание гидротехнических сооружений. Между тем затраты на поддержание ГЭС в рабочем состоянии и понесенный ущерб от неиспользуемых затопленных территорий ежегодно составляет порядка 120 млн долл., что равно почти пятой части бюджета Киргизии.

Схожие взгляды отстаивает Таджикистан, который настойчиво продвигает идею строительства новых крупных гидроэнергетических объектов на трансграничных реках. Так, Таджикистан продолжает курс на строительство Рогунской ГЭС, против чего категорически возражает Узбекистан. В случае ее строительства Таджикистан рассчитывает не только решить проблему с полноценным обеспечением электрической энергией всей страны, но и экспортировать ее в Афганистан и Пакистан. Пока реализации таджикских планов препятствуют отсутствие инвестора и недостаток собственных средств. Эти факторы, а также экологические и техногенные риски не уменьшают решимости Таджикистана достроить данный объект.

Страны нижнего течения вынуждены реагировать на политику своих соседей, контролирующих сток трансграничных рек. Туркменистан реализует масштабные проекты по созданию искусственных водохранилищ в Каракумах, которые должны будут соединиться с Амударьей каналом. Национальная программа «Стратегия экономического, политического и культурного развития Туркменистана на период до 2020 года» предусматривает, что суммарная емкость всех водохранилищ страны должна достигнуть 11 млрд м³. Реализация столь масштабного проекта может обострить проблему обеспечения водными ресурсами соседних государств Центральной Азии, расположенных в бассейне реки Амударьи, ухудшить экологическую ситуацию на прилегающих к Аральскому морю территориях.

Казахстан принял ряд решений, которые должны улучшить ситуацию с водными ресурсами. Среди них решение о восстановлении Малого Арала, изменение структуры сельскохозяйственных культур, выращиваемых в стране, и внедрение водосберегающих технологий, призванных снизить расходование воды. Кроме того, Казахстан построил Коксарайский контррегулятор, который сглаживает сезонные изменения водных ресурсов. Однако чем больше вода разбирается, тем больше у стран региона возникает проблем с ее нехваткой. В результате споры переходят в политическую плоскость и вызывают межгосударственное противостояние [13].

На долю Узбекистана приходится почти половина воды, которая потребляется в регионе. В этой связи любое изменение в использовании трансграничных рек или строительство новых гидросооружений затрагивает интересы Узбекистана. Наличие у него аграрного сектора является существенным фактором в определении позиции страны относительно распределения трансграничных водных ресурсов. В этом вопросе Узбекистан вынужден сотрудничать с Таджикистаном и Киргизией. Водные ресурсы, прежде всего, их объем, поступающий в Узбекистан, оказывают прямое влияние на количество выращиваемого хлопка. Нехватка воды вынудила Узбекистан в 2008 году принять решение о сокращении площадей хлопчатника. Также существует проблема, связанная с деградацией почв в силу изношенности ирригационной сети.

В результате отсутствие водосберегающих технологий и нехватка средств на улучшение систем мелиорации ведут к дефициту воды для полива.

Страны верховья в отличие от стран низовья имеют перспективы для развития. Согласно различным оценкам гидроэнергетический потенциал используется Киргизией и Таджикистаном не более чем на 10 %, в то время как сельское хозяйство, которое активно развивают страны нижнего течения, при уменьшающихся объемах водных ресурсов и увеличивающейся численности населения сталкивается с серьезными трудностями. Более того, в последние годы водные ресурсы трансграничных рек полностью разобраны. Еще в конце 1980-х годов ученые констатировали факт полного разбора рек Амударьи и Сырдарьи. Это стало причиной катастрофы, которая постигла Аральское море [14]. В целом в Центральной Азии происходит сокращение водных ресурсов, что связано с уменьшением площади ледников и изменением климата. Это делает труднодостижимыми задачи по увеличению сельскохозяйственных площадей и развитию промышленности странами нижнего течения.

Конфликтный потенциал. За более чем двадцатилетний период, который прошел после распада СССР, страны региона не сумели преодолеть противоречия в сфере вододелия и выработать механизм взаимного учета диаметрально противоположных интересов, предпочитая ориентироваться исключительно на национальные интересы, которые преобладают над межгосударственными отношениями. Кроме того, межгосударственные противоречия усиливаются исторически накопленными противоречиями [15]. Пока странам не удается достичь договоренности о прямой оплате за водные ресурсы и расчет осуществляется по бартеру: газ за воду (Узбекистан – Киргизия и Таджикистан) или вода за электроэнергию (Таджикистан – Казахстан) и т.д.

Все известные направления рационального использования водных ресурсов в Центральной Азии имеют технические и экономически оправданные пределы. В Центральной Азии уже не первый год идут споры о том, как использовать и делить водные ресурсы региона. Примерно 40 % всех запасов питьевой воды находятся в Киргизии. Для обеспечения своих потребностей республике с пятиmillionным населением и 6 % земель, пригодных для сельского хозяйства, хватает десятой части всего годового стока трансграничных рек. Все остальное идет в Казахстан, Узбекистан и частично в Туркменистан.

В последнее десятилетие проблемы, существующие в водно-энергетической сфере между странами Центральной Азии, усугубились. Для стран, расположенных в верховьях рек, хронической стала нехватка энергоресурсов в зимний период, а страны, находящиеся ниже по течению, испытывают острый дефицит воды, необходимой для сельскохозяйственных нужд. По различным оценкам, водные ресурсы смогут обеспечить регион Центральной Азии лишь до 2020–2025 годов. За указанный период суммарный объем водопотребления приоритетными отраслями может достичь такого уровня, за которым их потребность в воде может удовлетворяться за счет сокращения водоподачи на сельскохозяйственные нужды, что в перспективе приведет к необходимости уменьшения орошаемых площадей в регионе. И все это – на фоне ускоренного демографического роста.

Ситуация с водными ресурсами в Центральной Азии стала одним из основных источников возможных межгосударственных конфликтов. Доступ к водным ресурсам и, прежде всего, трансграничным рекам усилил конкуренцию между странами региона. Например, воды Сырдарьи в последние годы едва доходят до середины территории Узбекистана, западные области которого уже практически полностью обезвожены. По прогнозам через 15–20 лет водные ресурсы региона сократятся минимум на треть. По данным ООН, к 2040 году объем годового стока Киргизии составит 19 км³, в то время как в 2006 году этот показатель был равен 55 км³. Между тем только в ближайшие десять-пятнадцать лет потребность в воде в регионе может увеличиться на 40 %, что не может не отразиться на конфликтном потенциале региона. Недостаток водных ресурсов во многом ограничивает экономическое развитие государств Центральной Азии [16].

Решение проблем совместного использования водно-энергетических ресурсов в Центральной Азии имеет не только решающее экономическое, но и огромное экологическое, политическое и международное значение. По сути это один из основных факторов

формирования в регионе зоны стабильности, экономического развития и экологической безопасности.

Наличие большого количества подписанных документов не приблизило страны Центральной Азии к рациональному и взаимовыгодному использованию водных ресурсов, хотя в большинстве из них отмечается необходимость придерживаться принципов общности интересов и не допускать действия, которые могут нанести ущерб другой стороне.

Несмотря на договоренности, которые страны региона периодически достигают, по-прежнему нет механизма совместного управления водными ресурсами. Основными барьерами, препятствующими принятию действенных мер, направленных на интегрированное управление водно-энергетическим комплексом, являются противоречия в подходах к решению водных проблем. Отсутствие четкого законодательства, регулирующего использование гидроресурсов трансграничных рек, также затрудняет поиск взаимовыгодных решений. Страны Центральной Азии испытывают значительные трудности в сопоставлении топливно-энергетических ресурсов и водных ресурсов, которые каждая из стран региона пока еще предлагает обменивать [17].

Отсутствие эффективного механизма распределения воды, управления водопользованием и разрешения конфликтов, низкий уровень обмена информацией по вопросам качества воды и ее использования являются препятствиями для регионального сотрудничества в области использования водных ресурсов. Более того, прибрежные страны пытаются разделить выгоды от доступа к воде, а не саму воду, что ведет к осложнению совместного использования трансграничных рек.

Заключение. Межправительственные соглашения, призванные регулировать использование водных ресурсов трансграничных рек Центральной Азии, не сняли с повестки дня данную проблему. В этой связи выработка механизма, учитывающего интересы всех стран Центральной Азии в использовании водно-энергетического потенциала, остается в числе приоритетов центрально-азиатских государств.

Странам Центральной Азии следует отказаться от прямого сопоставления ценовых параметров на поставляемые водные и энергетические ресурсы, поскольку это затрудняет выработку согласованного механизма их использования. Кроме того, страны региона должны учитывать косвенные потери, связанные с нарушением доступа к водно-энергетическим ресурсам. Речь может идти о создании надгосударственного органа, состоящего из представителей стран региона, наделенных правом выработки согласованной политики в использовании водно-энергетического потенциала и учитывающего совокупность выгод и потерь каждой из стран. Подобная работа предполагает разработку совместного баланса по управлению водно-энергетическими ресурсами региона. В его основе должен быть расчет потребностей каждой из стран региона в водных и энергетических ресурсах и пути достижения компромисса в их использовании. Без взаимного учета интересов друг друга страны региона не смогут достичь компромисса. Возврат к советской системе лимитированной подачи воды и системе компенсаций позволит улучшить межгосударственные отношения и будет отвечать интересам всех сторон.

Строительство водно-энергетических объектов странами верховья приведет к дальнейшему ущемлению интересов стран низовья, которые при нынешнем режиме использования действующих водохранилищ не имеют перспектив улучшить ситуацию с доступом к водным ресурсам.

На протяжении более чем двадцати лет в странах верховья и низовья трансграничных рек проходят диаметрально противоположные процессы. В то время как страны нижнего течения разрабатывают программы по снижению дефицита водных ресурсов (последний пример – утверждение в апреле 2014 года президентом Казахстана Программы управления водными ресурсами), страны верховья прорабатывают масштабные планы по строительству новых крупных ГЭС, за счет которых предполагается решить экономические проблемы. Данный курс последовательно проводят Таджикистан и Киргизия, которые намерены в больших объемах использовать водные ресурсы, тем более для этого есть определенные условия. Из 49 км³ водных ресурсов, формирующихся в Киргизии, страна использует около 25 %, что позволяет строить планы по увеличению этого показателя [18].

Переговоры стран, расположенных в верхнем и нижнем течении, должны выходить за рамки величин сбрасываемых объемов воды и показателей выработки электроэнергии. Речь должна идти о разработке совместных действий, охватывающих работы по укреплению берегов, решению экологических проблем, формированию общего рынка электроэнергии и учету потребностей стран нижнего течения в водных ресурсах в летний период. Только в этом случае страны Центральной Азии смогут снять острые противоречия и установить добрососедские отношения. В противном случае энергетический шантаж по-прежнему будет использоваться странами региона в отношениях друг с другом. Таким образом, только через механизм совместного управления водно-энергетическими ресурсами страны региона могут создать условия для устойчивого развития и уменьшить конфликтный потенциал. Соответственно для пяти центрально-азиатских государств ключевой задачей остается разработка совместных действий по использованию и охране водных ресурсов Амударьи и Сырдарьи [19].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Сарсембеков Т. Два в одном: можно ли разделить воду и гидроэнергию / Т. Сарсембеков, А. Мироненков // *Мировая энергетика*. – 2007. – № 8. – С. 50-51.
- [2] Гриняев С.Н. Актуальные вопросы применения механизма биржевой торговли для решения водно-энергетических проблем стран Центральной Азии / С.Н. Гриняев, А.Н.Фомин // *Аналитический доклад*. – М.: Центр стратегических оценок и прогнозов, 2009. – С. 3.
- [3] Жильцов С.С. Борьба за воду / С.С. Жильцов, И.С. Зонн // *Индекс безопасности*. – 2008. – № 3. – С. 49-62.
- [4] Пикулина М.Л. Проблема трансграничных водных ресурсов в Центральной Азии / М.Л. Пикулина // *Казахстан спектр*. – 2013. – № 1. – С. 31-42.
- [5] Искандархонова Б.А. Правовое регулирование использования трансграничных рек в Центральной Азии / Б.А. Искандархонова // *Московский журнал международного права*. – 2007. – № 3. – С. 140-153.
- [6] Кузьмина Е.М. Геополитика Центральной Азии / Е.М. Кузьмина. – М.: Наука, 2007. – 68 с.
- [7] Гусейнов В. Водные ресурсы ЦАР / В. Гусейнов, А. Гончаренко // *Центральная Азия. Геополитика и экономика региона*. – М.: Красная звезда, 2010. – С. 68-88.
- [8] Петров Г. Конфликт интересов между гидроэнергетикой и ирригацией в Центральной Азии. Его причины и пути преодоления / Г.Петров // *Центральная Азия и Кавказ*. – 2010. – № 3. – С. 59-72.
- [9] Боришполец К.П. Вода как *regretum Mobile* центрально-азиатской политики / К.П. Боришполец // *Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки*. – 2010. – № 5. – 29 с.
- [10] Искандархонова Б.А. Правовое регулирование использования трансграничных рек в Центральной Азии / Б.А. Искандархонова // *Московский журнал международного права*. – 2007. – № 3. – С. 140-153.
- [11] Аманжолов Ж.М. Многосторонние международные договоры в обеспечении водной безопасности в Центральной Азии / Ж.М. Аманжолов // *Московский журнал международного права*. – 2007. – № 4. – С. 226-244.
- [12] Ауелбаев Б. Политика стран Центральной Азии и водно-энергетические проблемы региона / Б. Ауелбаев, Т. Ержанов // *Analytic (Казахстан)*. – 2009. – № 3. – С. 13-18.
- [13] Борисова Е. Таджикистан – Узбекистан: борьба за водные ресурсы / Е. Борисова // *История и современность*. – М., 2011. – С. 93-106.
- [14] Зонн И.С. Аральская энциклопедия / И.С. Зонн, М.Г. Глянц // М.О. – 2008. – 352 с.
- [15] Сырлыбаева Б.Р. Управление водными ресурсами как фактор обеспечения безопасности Центрально-Азиатского региона / Б.Р. Сырлыбаева // *Актуальные проблемы безопасности и сотрудничества в Каспийско-Центрально-Азиатском регионе: Материалы XI ежегодной Алматинской конференции (20 июня 2013 г.)*. – Алматы: КИСИ, 2013. – С. 119-148.
- [16] Пикулина М.Л. Проблема трансграничных водных ресурсов в Центральной Азии / М.Л. Пикулина // *Казахстан спектр*. – 2013. – № 1. – С. 31-42.
- [17] Ауелбаев Б. Политика стран Центральной Азии и водно-энергетические проблемы региона / Б. Ауелбаев, Т. Ержанов // *Analytic (Казахстан)*. – 2009. – № 3. – С. 13-18.
- [18] Януш Павлетта. Правовые механизмы сотрудничества в области управления трансграничными водотоками в Центральной Азии / Януш Павлетта // *Центрально-азиатская научно-практическая конференция «Водному сотрудничеству стран Центральной Азии – 20 лет: опыт прошлого и задачи будущего» (20-21 сентября 2012)*. – Алматы, 2012. – С. 14-15.
- [19] Кипшакбаев Н.К. Водному сотрудничеству стран Центральной Азии – 20 лет: опыт прошлого и проблемы будущего / Н.К. Кипшакбаев // *Водное хозяйство Казахстана*. – 2013. – № 2(52). – С. 15-20.